

Для цитирования: Халуторных О. Н., Максимова М. В. О прогностических и моделирующих функциях социальных утопий русских космистов // Социум и власть. 2021. № 2 (88). С. 50—57. DOI 10.22394/1996-0522-2021-2-50-57.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-2-50-57

УДК 101.1:316.334.56

О ПРОГНОСТИЧЕСКИХ И МОДЕЛИРУЮЩИХ ФУНКЦИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ УТОПИЙ РУССКИХ КОСМИСТОВ

Халуторных Ольга Николаевна,

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, доцент кафедры истории государственного и муниципального управления факультета государственного управления; Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана, доцент кафедры философии, кандидат философских наук, доцент. Российская Федерация, 119992, г. Москва, Ломоносовский проспект 27/4. E-mail: Olganik@yandex.ru

Максимова Мария Владимировна,

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, магистрант 1-го года обучения кафедры экономики и управления в космической отрасли факультета космических исследований, бакалавр политических наук. Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 52. E-mail: maria.mcsimova@yandex.ru

Аннотация.

Введение. Статья посвящена анализу утопического направления русского космизма и его влияния на советскую космонавтику и развитие общества СССР. Данная философская теория создавалась в период, который позволил инкорпорировать прикладные аспекты утопии в научно-технический прогресс и тем самым воплотить ряд шагов на пути освоения космического пространства.

Авторами выработаны критерии и параметры оценивания утопической составляющей теорий русского космизма, что позволило вывести этот конструкт на более высокий уровень абстракции и тем самым создать рабочую модель для проведения подобных исследований в контексте других утопических моделей.

Цель. Показать влияние утопии русского космизма на развитие космонавтики в СССР, выработать эмпирические критерии оценивания данного феномена.

Достижение цели потребовало решения следующих **задач:**

- 1) рассмотрение и анализ сути утопии космизма;
- 2) выработка параметров оценивания влияния утопии на развитие социальной системы;
- 3) использование выработанных параметров для оценки воздействия утопических идей на развитие системы советской космонавтики.

Методы. Выработка теоретической модели для оценивания социальных утопий, а также рассмотрение и анализ утопии космизма потребовали использования структурно-функционального и системного анализа. Исследование проводилось в рамках синергетической парадигмы.

Научная новизна исследования. В статье концептуализировано понятие утопии. Показано, что большинство определений утопии как социально-политического идеала сосредотачивается на ограничениях её существования: утопия не может быть воплощена, часто носит ненаучный характер, не соотносится с реальным положением системы, т. е. определения утопии часто сводятся к формату негативных. Авторы полагают: влияние утопии на социум, как правило, носит положительный характер.

Отмечено, что наряду с ограничениями утопизм обладает определёнными уникальными сущностными чертами, качественно влияющими на реализацию социальных проектов. Утопия в системном понимании выступает в качестве комплекса идей, оказывающего влияние на развитие системы, являясь одновременно внутренним (так как создаётся искусственно и осознанно самими элементами системы) и внешним фактором влияния. В отличие от платоновского эйдоса, проекцией которого является действительность, утопия создаётся индуктивным путём, но после своего создания вновь «спускается» на уровень реальности, так как начинает оказывать влияние на ту социальную модель, в которой была создана.

Результаты. В статье рассмотрены прогностические и моделирующие функции социальных утопий русских космистов. Доказано, что одна из сущностных функций утопий русского космизма заключается в формировании идеального типа, к которому в исторической перспективе начинает стремиться реальная общественная система. Убедительно демонстрируется: утопия выступает когнитивной опорой и неизбежно формирует канву, по которой начинает двигаться социум, определяя утопическую модель в качестве аттрактора, хотя при создании утопии не всегда формулируется подобная цель. Данная взаимосвязь позволяет провести оценку степени влияния утопических идей на формирование реальности в каждом конкретном случае, что, в свою очередь, обеспечивает возможность ответить на вопрос, как и в какой степени участвует утопический идеальный тип в определении характеристик и параметров реальной общественной системы.

Выводы. Обнаружено, что социальная утопия космистов как когнитивный концепт является важным действенным фактором влияния на развитие космической отрасли СССР. Принятые в исследовании параметры позволяют описать меру её влияния как одновременно внутреннего и внешнего фактора на развитие социума, в который она имплементируется. Констатируется справедливость восприятия утопии космистов как конструкта с определённым жизненным циклом, основной частью которого является период функционирования. За этот временной период утопическая теория может оказывать значительное влияние на действительное развитие общества с различных сторон.

Ключевые понятия:

утопия, русский космизм, утопическая модель общества, общественное развитие, освоение космоса.

Идеи перестройки природы человека, создания справедливого общества, совершенной формы жизни всегда занимали лучшие умы человечества. Развитие социума не может происходить без учёта утопических проектов, так как «...в обществе есть всегда определенный носитель действующих сил, который становится их реальным субъектом, и этот “кто-то” руководствуется в своих действиях некоторыми идеальными моделями, даже если его сознание не выходит за пределы повседневной практики» [16, с. 96]. Целесообразно отметить, что «все пекущие об утопии сходятся в том, что это некий социальный идеал, отражающий потребности и интересы конкретных общественных групп» [5, с. 6]. Однако в данном определении не просматривается прогностическая и моделирующая функции утопии. Прогностические и моделирующие функции утопии могут быть проявлены при концептуализации характерных параметров утопических конструктов и анализе степени их влияния на реальную общественную систему.

В качестве параметров оценивания утопии космистов предполагается использовать параметры, значение которых можно определить в качественных переменных:

- способность утопии к формированию новой мировоззренческой парадигмы;
- возможность воплощения прикладных концептов, составляющих утопию;
- способность утопии к сокращению количества вариантов развития социальной системы.

Данные параметры, по мнению авторов, позволяют оценить, как, в какой форме и насколько идеи утопической концепции русского космизма изменили действительность.

Первый параметр показывает качественную величину трансформационного воздействия идеи на императивы развития общества, в котором развивалась данная утопия. Мировоззренческая парадигма формирует ценностный и гносеологический базис, на который будут имплементироваться ответы на текущие вызовы: как и каким образом система ответит на внешнее воздействие и вернётся в состояние равновесия, если была из него выведена, по каким законам она будет развиваться в случае отсутствия серьёзных внешних раздражителей [13, с. 7].

Способность элементов системы создать общественный идеал порождает специфическое состояние реальности. «Для него [общественного идеала] важна включенность в

практическую деятельность на правах конструкта, фиксирующего наряду с общечеловеческой, исторически-конкретную систему ценностей, корректирующую поведение социального субъекта (отдельного индивида, социальной группы, масс) в соответствии со своим временем). ...Это состояние [реальности] связано с готовностью последней войти в новый исторический цикл (состояние “исторической вилки”, точка бифуркации)» [16, с. 98]. Результат исследования с использованием этого параметра позволит также ответить на вопрос, какие ценности были инкорпорированы в систему и как изменилось — и изменилось ли — восприятие основного объекта утопии.

Второй параметр показывает, насколько утопия способна осуществлять переход из виртуальной плоскости в реальность, насколько велика её теоретическая и практическая обоснованность. Если утопия носит проективный характер, она должна обладать рядом признаков, которые позволят ей выстроить некий каркас для собственного предполагаемого существования, перенести часть своих элементов из «идеальной» сферы в научно-техническую. То, что на момент создания утопии считалось недостижимым, под влиянием вдохновлённых ею исследований может перейти в реальность. «Действительно, постоянно происходит не только аккумуляция новых эмпирических данных, но и сами принципы и теории претерпевают кардинальные изменения, так что нечто, считавшееся научным ранее, может перестать быть таковым, и наоборот» [5, с. 7]. Так, В. В. Лыткин и В. Ю. Панов считают, что «утопические идеи в философии русского космизма имеют определенную динамику развития в сторону научной концепции и технократической реальности» [10, с. 94]. Данный параметр позволяет ответить на вопрос: может ли утопия создавать реальные проекции после ретродуктивного «спуска» обратно к реальности?

Третий параметр раскрывает прогностические возможности утопии. По своей сути, утопия моделирует желаемую конструкцию общественного устройства, и влияние утопии характеризуется возможностью создания для развивающейся системы жёстких детерминирующих рамок. Эти рамки способствуют сужению «коридора возможностей» и уменьшению количества точек бифуркации для системы. Фактически утопия принимает одновременно прогностическую и детерминирующую функцию, ведь единожды предложенный паттерн социального развития неизбежно заложит

когнитивные ограничения на восприятие будущего. Из представления о будущем утопия делает желаемый образец. В. Л. Василькова характеризует возможности утопии следующим образом: «Многие исследователи обращают внимание на совпадение ретроспективного и проспективного характера утопий, на устойчивое воспроизводство в утопическом сознании мотивов начального и конечного состояния общества как идеальных состояний миропорядка» [2, с. 412]. Этот параметр также позволяет выявить аттрактивные свойства утопии: высокая жёсткость является детерминацией, ведущая развитие системы к обозначенному образцу (аттрактивность, «выход на «то же самое» при любых начальных условиях») [2, с. 38]. «Посредством эмпирической интерпретации обеспечивается наблюдаемость предсказываемых утопией ситуаций, верифицируемость теории развития общества» [20]. Возможность утопии выступать в роли аттрактора, который понимается как «асимптотически удаленная цель системы» [12, с. 38] предполагает допущение, что утопия становится инструментом, способным вызывать самоорганизацию общественной системы.

Утопия космизма и новая мировоззренческая парадигма

Космизм как направление появился задолго до первых практических успехов космонавтики. Идеалы социального развития, выстроенного на «научной вере», абсолютизации знаний отражены в учениях как зарубежных (А. фон Гумбольдт, Э. Леруа, П. Тейяр де Шарден, А. Уайтхед, С. Александер, Л. Клагес и др.), так и отечественных (Н. Федоров, В. Ф. Одоевский, К. Э. Циолковский, А. Чижевский, В. И. Вернадский и др.) авторов [15]. Так, в 1837 г. В. Ф. Одоевским впервые была высказана идея о необходимости освоения космического пространства для решения сырьевых проблем Земли [10, с. 75]. Космос в таком приложении видится не столько целью, сколько средством для решения глобальных проблем, что выводит утопию космизма из ряда других утопий на иной уровень: некий объект, в данном случае космическое пространство, представляющийся фантастическим и недостижимым на момент создания утопической теории космистов, не является её самоцелью. В концепции Н. Ф. Федорова [17] космос также является средством для решения концептуализированной им глобальной проблемы

будущего: перенаселения Земли вследствие воскрешения всех когда-либо умерших людей.

В представлении К. Э. Циолковского освоение космоса является закономерной ступенью развития цивилизации [22]. Дальнейшие вехи, в частности отказ от материальной формы существования, переход в состояние «лучистой энергии», невозможны без освоения космического пространства и небесных тел. К. Э. Циолковский положил начало теоретической космонавтике, ставя утопическую цель, но созданные им концептуальные представления о космических аппаратах и их характеристиках были воплощены в жизнь. Так, в работе «Исследование мировых пространств реактивными приборами» [21] он определил последовательность шагов, необходимых для воплощения практической, материальной части идеального будущего. Многие из его выкладок значительно опередили время: например, Ю. А. Гагарин после полёта в космос в 1961 г. говорил, что реальное ощущение невесомости практически полностью совпадает с описанным К. Э. Циолковским. Похожая ситуация сложилась с идеями его последователей в теоретической и практической космонавтике: В. П. Глушко, С. П. Королёва, Я. И. Перельмана, Ф. А. Цандера и других.

Одной из основных черт русского космизма как направления философской мысли является восприятие космоса как неотъемлемого атрибута будущего развития человечества, среды, в которой цивилизация будет развиваться в обозначенных в разных концепциях рамках [1]. Помимо этого, как пишет И. А. Емельянова, «ценность философских и научных идей русских космистов состоит не только в изучении взаимодействий человечества и космоса, но главным образом в формировании антропокосмического мировоззрения» [3, с. 24]. В результате космос и Вселенная становятся частью мировоззренческой парадигмы поколения, космос проникает в массовую культуру и его освоение не видится более принципиально недостижимым [11].

Интересно, что само собой разумеющимся для космистов является не только освоение космического пространства как часть пути к достижению метафизических целей, но и планетарная общность человеческой цивилизации — и эта идея значительно повлияла не только на систему советской космонавтики, но и на представления о будущем человечества вообще. «В технократической утопии К. Э. Циолковского содержится научно обоснованная аргументация

развития универсума, хотя его учение об обществе будущего и носит утопический характер» [10, с. 94]. По сути, единая цивилизация планеты Земля как концепция возникает сразу при переходе на макроуровень восприятия, когда в представлениях философов появляется идея о взаимодействии человечества с космосом, с некими более крупными множествами, в которые включены человечество и Земля. Глобальные проблемы человечества ещё не были осознаны в тот период, однако это не помешало концептуализировать «ответ» без определённого «вызова»: человечество должно объединиться. С этой точки зрения раскрывается следующая грань парадигмального сдвига, вызванного возникновением философии космизма: «антропос» в антропокосмическом мировоззрении понимается не только как биологический вид, но и как планетарная общность индивидов. Эта идея характерна не только для русского космизма: такие же выкладки можно обнаружить в работах западных космистов (например, П. Т. де Шардена). Именно к этому лейтмотиву восходят научно-фантастические произведения второй половины XX века («Марсианские хроники» Р. Брэдли, «Конец детства» А. Кларка, «Приход ночи», «Лжец», «Сами боги» А. Азимова, «Чужак в чужой стране», «Луна — суровая хозяйка» Р. Хайнлайна на западе и «Полдень, XXII век», «Далёкая Радуга» А. и Б. Стругацких, «Туманность Андромеды», «Час быка» И. А. Ефремова, «Гость из бездны», «Гианэя» Г. С. Мартынова, повести К. Булычёва и многие другие). Однако, провозглашаемые утопией космистов идеалы всепланетарного единства, существование универсальной ноосферы, разумное развитие человечества так и не были воплощены в жизнь. Так, С. П. Капица, С. П. Курдюмов, Г. Г. Малинецкий считают, что «...человечество в шестидесятые годы (XX в. — прим. авт.) неверно прошло точку бифуркации. Оно не изменило вовремя императивов развития. Общие цели и стабильное будущее оказались принесены в жертву сиюминутным политическим выгодам и предрассудкам ушедшей эпохи» [6, с. 5].

Таким образом, влияние утопии космизма на развитие реальной социальной системы с позиции первого параметра можно охарактеризовать следующим образом: идейно организационная структура советской космонавтики создавалась людьми, принявшими космическое (и антропокосмическое) мировоззрение, инкорпорировавшими ценность познания космоса в

свою картину мира, основывавшими свои взгляды на теоретических и философских работах К. Э. Циолковского и его последователей. Это позволяет признать высокую способность социальной утопии космизма к формированию новой мировоззренческой парадигмы: антропокосмический подход вошёл практически в бытовое сознание людей и в некоторых случаях повлиял на формирование идентичности (противопоставление микрокосма Земли и населяющих её людей макрокосму Вселенной).

Воплощение прикладных концептов утопии космизма

Рассматривая влияние утопии космизма с точки зрения воплощения его прикладных составляющих, целесообразно сфокусироваться на технологических паттернах, позаимствованных из утопии в реальную космонавтику. Естественно-научный космизм в учениях К. Э. Циолковского и его последователей уникален тем, что единожды разработанная философская теория сразу же стала «обрастать» техническими подробностями, нацеленными на её достижение. Уже в «Исследовании мировых пространств реактивными приборами», как упоминалось выше, приводилась последовательность шагов, необходимых для осуществления метафизической экспансии человеческой цивилизации — и около половины этих шагов были осуществлены в той или иной технологической форме. «Своеобразие взглядов Н. Ф. Федорова, К. Э. Циолковского и В. И. Вернадского состоит в том, что они стремились достичь симбиоза утопических и научных идей. Идеал будущего состояния социо-природного универсума дается ими в единстве со стратегией его достижения, то есть проективно, с присущими им верой в неограниченную мощь научного знания и культивированием науки» [10, с. 94].

Среди воплощённых в реальность технологических проектов стоит упомянуть такие феномены, как ракеты на жидком топливе, принцип многоступенчатости, ракетные поезда, газотурбинные двигатели, оптимальные траектории спуска ракеты, газовые рули для управления полётом и изменения траектории движения центра масс ракеты, использование компонентов топлива для охлаждения оболочки космического аппарата при вхождении в атмосферу Земли, концепция орбитальных станций, регенерация воды и воздуха и многое другое. Именно К. Э. Циолковский разработал одну из ключевых формул практической

космонавтики, получившую его имя — «формула Циолковского», которая связывает максимальную скорость ракеты в идеальных условиях с массой топлива.

Таким образом, говоря о втором параметре оценки влияния утопии на реальность, можно сделать вывод, что множество прикладных идей русского космизма были воплощены в действительности. Акцентуация на космосе как одновременно на объекте и пространстве конструирования будущего и достижения научно-технического прогресса создали устойчивую базу для воплощения футуристических идей космистов.

Утопия космизма и детерминация развития социальной системы

Анализ утопии космизма через призму третьего параметра позволяет оценить её прогностическую и детерминирующую силу. Так, «...атрибутивным свойством общественного идеала является его способность включаться в мотивацию человеческой деятельности и в этом качестве стать механизмом корректировки хода исторических событий» [16, с. 97]. С этой точки зрения космизм задал организационные рамки развития космонавтики не только с ценностной (мировоззренческой) и прикладной точек зрения, но и с организационной. В первом и втором случае можно говорить о частичной реализации: качественная оценка утопии с помощью этих параметров выявила высокие показатели влияния на социальную систему. Однако, с точки зрения организационной модели, утопия космизма реально детерминировала развитие системы достаточно недолгое время, отчасти в связи с обилием внешних факторов, дестабилизировавших её состояние (Великая Отечественная война 1941—1945 гг., создание биполярной политической модели мира и т. д.), отчасти в связи с относительно быстрым отказом от ключевых парадигмальных идей утопии, а именно от идеи планетарной общности. Необходимо отметить, что моделирующее и детерминирующее воздействие космизма было достаточно эффективным в определённый промежуток времени, связанный с фактическим началом космической эры [14]. Политические приоритеты задачи освоения космоса, которые ставились советским правительством, массовая культура некоторое время находились под влиянием идей космистов. Подобная ситуация складывалась и в западном обществе. Общий энтузиазм, подкреплённый реальными успехами кос-

мической отрасли, на определённый период (60-е годы XX в.) позволил утопии детерминировать развитие общества, и тем самым частично воплощать себя. На этом примере наблюдается интересный рекурсивный механизм: чем большее пространство занимает утопия в аксиологическом базисе социальной системы, тем большее культурное и политическое значение она принимает и посредством этого получает больше возможностей для воплощения. Данный процесс напоминает паттерны биологического мира со стремлением жизни к мультипликации в подходящих для этого условиях, что, в свою очередь, подтверждает целесообразность исследования утопий с использованием междисциплинарных и трансдисциплинарных инструментов.

Таким образом, рассматривая утопию космизма через призму третьего параметра, становится возможным качественно охарактеризовать утопию космизма как идею, способную сужать коридор возможностей для развития системы при наличии благоприятных условий, которые порождаются внешним политическим, научно-техническим, культурным и социальным контекстом, а также возможностью утопии трансформировать ценностный базис системы. Это отражает тот факт, что космизм обладает значительными аттрактивными свойствами.

Заключение

Анализ утопии русского космизма с помощью выработанных параметров позволил оценить возможность утопии изменять императивы развития целой системы через призму мировоззрения, научно-технического прогресса и детерминирования модели развития. Сила космизма заключается в технократической составляющей, которая позволяла утопии некоторое время поддерживать себя в силу релевантности научно-техническому прогрессу и научным приоритетам. Однако ценностные приоритеты, выделенные космизмом, оказались слабее амбиций политических структур реального общества. Таким образом, русский космизм видится как «сильная» утопия, способная при определённых условиях на частичное самовоплощение.

Рассмотрение русского космизма с точки зрения формирования мировоззренческой парадигмы показало, что утопия спровоцировала появление среди советских людей особого взгляда на космос и предложила идею планетарной общности. Если говорить о воплощении прикладных

концептов, стоит упомянуть, что основоположниками русского космизма была создана теоретическая база советской космонавтики, а их последователи воплотили эти идеи на практике: например, стержнем практической советской космонавтики стали ракеты на ЖРД, предложенные К. Э. Циолковским. Что касается детерминирующих функций утопии, русский космизм фактически исключил возможность развития советского социума без значительной ориентации на космонавтику и определил аксиологическую основу освоения космического пространства.

1. Бойко А. А. Ноосферная концепция В. И. Вернадского в контексте синергетических идей // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 1 (70). С. 22—24.
2. Василькова В. Л. Порядок и хаос в развитии социальных систем: синергетика и теория социальной самоорганизации. СПб. : Лань, 1999. 480 с.
3. Емельянова И. А. К проблеме становления онто гносеологии русского космизма // Вестник ОГУ. 2012. № 7 (143). С. 24—27.
4. Желтикова И. В. Утопия как образ будущего // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2013. № 9 (152). С. 302—311.
5. Заладина М. В., Шетулова Е. Д. Критерии и границы утопии как методологическая проблема // Вестник ВятГУ. 2016. № 8. С. 5—9.
6. Капица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 288 с.
7. Ленников Р. В. Моделирование сложных информационно-зависимых систем на примере самоорганизации ноосферы // Вестник новых медицинских технологий. 2010. № 1. С. 145—146.
8. Лишутина О. А., Парамонова А. А., Валишина И. И. Родоначальник русского космизма // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2011. № 7. С. 379—380.
9. Лыткин В. В. Космизм и Российская культура // Наука. Искусство. Культура. 2016. № 4 (12). С. 74—81.
10. Лыткин В. В., Панов В. Ю. Социально-антропологическая программа русского космизма (постановка проблемы утопизма в русском космизме) // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2015. № 8 (205). С. 91—98.
11. Перельман Я. И. Межпланетные путешествия: [основы ракетного метания]. Изд. 10-е. Л. ; М. : Онти. Главная редакция научно-популярной юношеской литературы, 1935. 269 с.
12. Мелик-Гайказян И. В., Мелик-Гайказян М. В. Атрактивный менеджмент: методологические проблемы теории управления и философское обоснование понятия // Вестник ТГПУ. 2007. № 11. С. 36—40.
13. Нехамкин В. А. Неклассические модели общественной динамики в социальном познании

XX — начала XXI вв.: итоги и перспективы развития // Социум и власть. 2020. № 3 (83). С. 18—29.

14. Нехамкин В. А. От альтернативной истории к контрфактическому моделированию // Человек. 2005. № 6. С. 56—61.
15. Пряхин В. Ф. Русский космизм и трансгуманизм // Приволжский научный вестник. 2012. № 8 (12). С. 44—59.
16. Русский космизм: история и современность: Место и роль науки и технологий в решении глобальных проблем современности. [б. м]. : Издательские решения, 2021. 316 с.
17. Сиземская И. Н. Место общественного идеала в системе нелинейных концепций истории // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 3. С. 93—101.
18. Федоров Н. Ф. Философия Общего дела. М. : Эксмо, 2008. 752 с.
19. Хабибуллина З. Н. Роль утопического сознания в преобразовательной деятельности человека (на примере философии русского космизма) // Вестник ЧелГУ. 2010. № 20. С. 124—128.
20. Хабибуллина З. Н. Специфика утопических взглядов русских космистов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010. № 3. С. 4—7.
21. Халуторных О. Н. Утопия в парадигме рациональности: социально-философский анализ // Гуманитарный вестник 2020. № 6 (86).
22. Циолковский К. Э. Исследование мировых пространств реактивными приборами: переиздание работ 1903 и 1911 гг. с некоторыми изменениями и дополнениями Калуга : 1-я Гомтип. ГСНХ, 1926. 126 с.
23. Циолковский К. Э. Космическая философия : автор. сб. М. : Сфера, 2007. 496 с.
24. Pearlman E. The Resurgence of Russian Cosmism // PAJ: A Journal of Performance and Art. 2019. № 41 (2 (122)). P. 85—92.

References

1. Bojko A.A. (2016) *Uchenye zapiski OGU. Serija: Gumanitarnye i social'nye nauki*, no. 1 (70), pp. 22—24 [in Rus].
2. Vasil'kova V.L. (1999) *Porjadok i haos v razvitii social'nyh sistem: sinergetika i teorija social'noj samoorganizacii*. St. Petersburg, Lan', 480 p. [in Rus].
3. Emel'janova I.A. (2012) *Vestnik OGU*, no. 7 (143), pp. 24—27 [in Rus].
4. Zheltikova I.V. (2013) *Nauchnye vedomosti BelGU. Serija: Filosofija. Sociologija. Pravo*, no. 9 (152), pp. 302—311 [in Rus].
5. Zaladina M.V., Shetuloва E.D. (2016) *Vestnik VjatGU*, no. 8, pp. 5—9 [in Rus].
6. Kapica S.P., Kurdjumov S.P., Malineckij G.G. (2001) *Sinergetika i prognozy budushhego*. Moscow, Jeditorial URSS, 288 p. [in Rus].
7. Lennikov R.V. (2010) *VNMT*, no. 1, pp.145—146 [in Rus].
8. Lishutina O.A., Paramonova A.A., Valishina I.I. (2011) *Aktual'nye problemy aviacii i kosmonavтики*, no. 7, pp. 379—380 [in Rus].
9. Lytkin V.V. (2016) *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura*, no. 4 (12), pp. 74—81 [in Rus].
10. Lytkin V.V., Panov V.Yu. (2015) *Nauchnye vedomosti BelGU. Serija: Filosofija. Sociologija. Pravo*, no. 8 (205), pp. 91—98 [in Rus].

11. Perel'man Ja. I. (1935) *Mezhplanetnye puteshestvija: [osnovy raketnogo metanija]*. Leningrad, Moscow, Onti. Glavnaja redakcija nauchno-populjarnoj junosheskoj literatury, 269 p. [in Rus].
12. Melik-Gajkazjan I.V., Melik-Gajkazjan M.V. (2007) *Vestnik TGPU*, no. 11, pp. 36—40 [in Rus].
13. Nehamkin V.A. (2020) *Socium i vlast'*, no. 3 (83), pp. 18—29 [in Rus].
14. Nekhamkin V.A. (2005) *Chelovek*, no. 6, pp. 56—61 [in Rus].
15. Prjahn V.F. (2012) *Privolzhskij nauchnyj vestnik*, no. 8 (12), pp. 44—59 [in Rus].
16. Russkij kosmizm: istorija i sovremennost': Mesto i rol' nauki i tehnologij v reshenii global'nyh problem sovremennosti (2021). Moscow, Izdatel'skie reshenija, 316 p. [in Rus].
17. Sizemskaja I.N. (2006). *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 3, pp. 93—101 [in Rus].
18. Fedorov N.F. (2008) *Filosofija Obshhego dela*. Moscow, Jeksmo, 752 p. [in Rus].
19. Habibullina Z.N. (2010) *Vestnik ChelGU*, no. 20, pp.124—128 [in Rus].
20. Habibullina Z.N. (2010) *Izvestija VGPU*, no. 3, pp. 4—7 [in Rus].
21. Halutoryh O.N. (2020) *Gumanitarnyj vestnik*, no. 6 (86). [in Rus].
22. Ciolkovskij K.Je. (1926) *Issledovanie mirovyh prostranstv reaktivnymi priborami: pereizdanie rabot 1903 i 1911 gg s nekotorymi izmeneinijami i dopolnenijami*. Kaluga, 1-ja Gomtipografiya GSNH, 126 p. [in Rus].
23. Ciolkovskij K.Ye. (2007) *Kosmicheskaja filosofija*. Moscow, Sfera, 496 p. [in Rus].
24. Pearlman E. (2019) *PAJ: A Journal of Performance and Art*, no. 41 (2 (122)), pp. 85—92 [in Eng].

For citing: Khalutornykh O.N., Maksimova M.V. On the prognostic and modeling functions of the social utopias of Russian cosmists // *Socium i vlast'*. 2021. № 2 (88). P. 50—57. DOI: 10.22394/1996-0522-2021-2-50-57.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-2-50-57

UDC 101.1:316.334.56

ON THE PROGNOSTIC AND MODELING FUNCTIONS OF THE SOCIAL UTOPIAS OF RUSSIAN COSMISTS

Olga N. Khalutornykh,

Moscow State University
named after M.V. Lomonosov,
Associate Professor of the Department Chair
of History of State and Municipal Administration,
the Faculty of Public Administration;
Moscow State Technical University
named after N.E. Bauman, Associate Professor
of the Department of Philosophy,
Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor.
Russian Federation, 119992,
Moscow, Lomonosovsky prospect 27/4,
E-mail: Olganik@yandex.ru

Maria V. Maksimova,

Moscow State University
named after M.V. Lomonosov,
first-year undergraduate student
of the Department of Economics
and Management in the Space Industry
of the Faculty of Space Research,
Bachelor of Political Science.
The Russian Federation, 119991,
Moscow, Leninskie gory, 1, bldg. 52,
E-mail: maria.mcsimova@yandex.ru

Abstract

Introduction. The article is focused on analyzing the utopian direction of Russian cosmism and its influence on the Soviet cosmonautics and the development of society in the USSR. This philosophical theory was created in the period that made it possible to incorporate the applied aspects of utopia into scientific and technological progress and thereby embody a number of steps towards the outer space exploration. The authors have developed criteria and parameters for assessing the utopian component of the Russian cosmism theories, which made it possible to bring this construct to a higher level of abstraction and thereby create a working model for conducting such studies in the context of other utopias of models.

The purpose of the article is to show the influence of the Russian cosmism utopia on the cosmonautics development in the USSR, develop empirical criteria for evaluating the phenomenon. Achieving the goal required solving the following tasks: 1) considering and analyzing the subject matter of the cosmism utopia; 2) developing parameters for assessing the impact of utopia on the development of the social system; 3) applying the developed parameters

to assess the impact of utopian ideas on the development of the Soviet cosmonautics system.

Methods. Developing the theoretical model for assessing social utopias, as well as considering and analyzing the cosmism utopia, required the use of structural-functional and systems analysis. The research was conducted within the framework of a synergistic paradigm. Scientific novelty of the research. The article conceptualizes the concept of utopia. It is shown that most of the definitions of utopia as a socio-political ideal focus on the limitations of its existence: utopia cannot be embodied, often has an unscientific character, does not correlate with the real state of the system, i.e. definitions of utopia are often reduced to the negative format. The authors believe that the influence of utopia on society, as a rule, is positive. It is noted that, along with limitations, utopianism has certain unique essential features that qualitatively affect the social projects implementation. Utopia in the systemic understanding acts as a complex of ideas influencing the development of the system, being both internal (since it is created artificially and consciously by the very elements of the system) and an external factor of influence. Unlike Plato's eidos, the projection of which is reality, utopia is created inductively, but after its creation it again "descends" to the level of reality, since it begins to influence the social model in which it was created.

Results. The article discusses the prognostic and modeling functions of the social utopias of Russian cosmists. It has been proved that one of the essential functions of the Russian cosmism utopias is the formation of an ideal type, towards which, in a historical perspective, the real social system begins to strive. It is convincingly demonstrated that utopia acts as a cognitive support and inevitably forms the canvas along which society begins to move, defining the utopian model as an attractor, although such a goal is not always formulated when creating a utopia. This relationship makes it possible to assess the degree of influence of utopian ideas on the formation of reality in each specific case, which, in turn, provides an opportunity to answer the question of how and to what extent the utopian ideal type participates in determining the characteristics and parameters of a real social system.

Conclusions. It was found that the social utopia of cosmists as a cognitive concept is an important effective factor influencing the development of the space industry in the USSR. The parameters adopted in the study allow us to describe the measure of its influence as both an internal and an external factor on the development of the society in which it is implemented. The validity of perceiving the utopia of cosmists as a construct with a certain life cycle, the main part of which is the period of functioning, is stated. During this time period, utopian theory can have a significant impact on the actual development of society from various angles.

Keywords:

utopia,
Russian cosmism,
utopian model of society,
social development,
space exploration.